

ПОЛИТИКА. КАВКАЗ

"Не признаю законы оккупантов". Замминистра иностранных дел Ичкерии – о своем преследовании и будущем Чечни

Анжелика Каимова

29 сентября 2026

Асет Сабб

Сотрудники управления ФСБ по Чечне **объявили в розыск** заместителя министра иностранных дел Ичкерии Асет Сабб. В конце августа Росфинмониторинг также **добавил** ее в реестр обвиняемых по террористической статье. Подробности заведенного против нее уголовного дела неизвестны до сих пор, но, вероятно, поводом стала политическая активность разыскиваемой. 35-летняя Сабб выступает на международных площадках, говоря о репрессиях в отношении чеченцев и военных преступлениях федеральных сил в республике во время двух войн, а также о важности признания независимости Ичкерии другими странами. В интервью сайту Кавказ.Реалии она рассказала об отношении к преследованию со стороны ФСБ, действиях диаспоры за рубежом и своем видении будущего независимой Чечни.

Справка: "Чеченская Республика Ичкерия" (ЧРИ) – непризнанное государство, которое появилось после распада СССР на части бывшей Чечено-Ингушской АССР. Независимость провозгласил 1 ноября 1991 года первый президент ЧРИ Джохар Дудаев. Сейчас правительство ЧРИ за рубежом возглавляет живущий в Великобритании Ахмед Закаев, которого в январе 2025 года в России **заочно приговорили** к 20 годам за создание добровольческого батальона в составе ВСУ. В апреле 2026 года суд в Грозном **признал** ЧРИ и 29 ее подразделений в 14 европейских странах "террористической" организацией, а Росфинмониторинг **внес** ее в перечень террористов и экстремистов.

– Как вы восприняли новость об объявлении вас в розыск и попадании в список Росфинмониторинга?

– До 1999 года я жила в Чеченской Республике Ичкерия. На моих школьных документах 1-го и 2-го класса печати Ичкерии. Я не признаю оккупационные структуры РФ, оккупационные суды РФ. Если бы я признавала РФ, я бы изначально, отучившись в одном из североамериканских вузов на факультете международных отношений, не посылала бы свое резюме в МИД ЧРИ. В очередной раз Россия доказывает, что не является цивилизованным и правовым государством.

– Ваш отец Маккал Сабдуллаев занимал пост заместителя министра культуры ЧРИ, а позднее стал заместителем вице-премьера Ахмеда Закаева. В 2000 году его задержали на российском военном блокпосту в Грозном, с тех пор он считается пропавшим без вести. Насколько судьба отца повлияла на ваше собственное отношение к Чечне, Ичкерии и политике в целом?

– Мой отец был заместителем министра культуры ЧРИ, а также поэтом-драматургом. В 2000 году на блокпосту у автовокзала его задержали русские солдаты и отвезли в Ханкалу. Прошло 26 лет, ничего о нем не известно, и ни один русский военный, который причастен к похищению моего отца, не наказан. Это несправедливо.

Мой отец не был военным человеком, он был творческим человеком, писал стихи, поэмы и пьесы. Я полюбила свой народ и свою родину через папины стихи и мамины песни (матерью Асет Сабб является известная чеченская народная певица Бирлант Рамзаева – Прим.).

Асет Сабб с отцом

Мой папа – это моя гордость и моя боль. Русские солдаты его у меня отняли. Я отстаиваю право на существование Ичкерии потому, что я родилась в Ичкерии, и потому, что Россия поступила несправедливо с моим отцом и с чеченским народом. Ни мой отец, ни чеченский народ не заслуживали [Самашки](#), [Новые Алды](#), [Элистанжи](#), [Чернокозово](#) и [Ханкалу](#). Россия принесла наш народ в жертву и такое не прощается.

– Вас называют соратницей Ахмеда Закаева. Почему вы выбрали именно этот путь: работать в правительстве ЧРИ и заниматься международным представлением чеченской позиции?

– Когда я завершила учебу, мне хотелось помочь ичкерийскому делу. Ичкерия уже несколько лет подвергается дискредитации со стороны оккупационных структур РФ на территории Чеченской Республики. А в действительности, Ичкерия – это то, что создал сам народ и выбрал народ. Я начала рассматривать структуры и организации, куда можно отправить мое резюме. Пришла к заключению, что единственная компетентная структура, у которой есть вес на международной арене, – это правительство Чеченской Республики Ичкерия.

“ Меня часто критикуют за мой внешний вид и подчеркивают, что я не ношу платок

Одним словом, правовая легитимность, рейтинг правительства ЧРИ на международной арене и компетентность лидера привели к тому, что я отправила свое резюме в МИД ЧРИ. После со мной напрямую для собеседования связался

министр иностранных дел ЧРИ Инал Шерип. Он со мной говорил больше 40 минут. В итоге меня назначили заместителем. Мне моя работа очень нравится.

Асет Сабб

– Асет, практически во всех СМИ вас называют племянницей Ахмеда Закаева, это так?

– Для меня это большая честь, но это не совсем так. Ахмед Закаев – племянник моей бабушки с маминой стороны, т.е. он двоюродный брат мамы.

– Вы – женщина в очень мужской и довольно жесткой политической среде. С какими трудностями вам пришлось столкнуться именно из-за того, что вы женщина? И менялось ли отношение к вам со стороны чеченского общества?

– Я бы не назвала это трудностями. На международных конференциях меня всегда принимают очень хорошо. Чеченское сопротивление очень долго ассоциировалось с мужчинами, с ветеранами войны, а когда на конференциях видят женщину-

чеченку, которая представляет государственную структуру, встречаются всегда на ура.

А что касается чеченского общества, меня часто критикуют за мой внешний вид и подчеркивают, что я не ношу платок. Однако в Чечне есть женщины, которые носят платок, и есть те, кто не носит его. Гардероб – это личное дело каждого человека, поэтому пора уже привыкать к моему виду. В моей команде ко мне относятся с большим уважением, мои коллеги и соратники ценят мои профессиональные качества.

Асет Сабб

– Вы много выступаете на международных площадках. Как сегодня иностранные политики и правозащитники воспринимают чеченский вопрос? Изменилось ли их отношение за последние годы?

– Да, очень сильно. Западные политики видят, что мы в корне отличаемся от представителей оккупационных структур РФ на территории Чечни. Они видят, что с нами можно открыто вести диалог. Присутствие Вооруженных сил ЧРИ в Украине, которые сражаются против русских оккупантов, усиливает нашу позицию на международной арене. Западные политики понимают, что мы не просто на словах отстаиваем свободу ЧРИ, но и на поле боя. Мы сумели четко перевести вопрос освобождения Чеченской Республики в международный дискурс деколонизации России. Западные структуры лучше понимают, чего мы хотим и

к чему стремимся, и это основная причина, по которой нам открывают двери в международные институты, именно поэтому мы и смогли выступить в Конгрессе США в 2025 году.

– Что, на ваш взгляд, сегодня представляет собой чеченская диаспора? Она способна выступать как единая политическая сила или внутри нее слишком много разных взглядов и центров влияния?

– Чеченская диаспора – это наша сила. Единственная проблема заключается в том, что люди запуганы и не решаются высказываться, потому что все боятся участи Салмана Тепсуркаева (похищенный чеченскими силовиками и впоследствии предположительно убитый ими администратор чата в оппозиционном телеграм-

канале 1ADAT – Прим.). Я считаю, что диаспора выжидает попутного ветра. Как только будет толчок в центре РФ, и диаспора увидит, что инструменты репрессий ослабли и что ослаб сам центр, диаспора быстро мобилизуется. Мы готовим почву для этого.

В отличие от других кавказских диаспор, у чеченской диаспоры есть преимущество – у нее есть правительство ЧРИ, легитимная структура власти, через которую она сможет заявить всему миру о своем праве жить свободно.

Асет Сабб (в центре)

– А кто сегодня, на ваш взгляд, вообще имеет право говорить от имени чеченского народа? Возможно ли политическое представительство Чечни без единого центра и единой позиции?

– Мы не говорим от имени народа. Мы говорим от имени легитимных структур власти Чеченской Республики Ичкерия, которые русские колонизаторы уже 30 лет пытаются уничтожить. Наша цель: вернуть власть народу, чтобы он, народ, наконец-то сам начал решать свою судьбу. На данном этапе за народ говорит оккупационная администрация РФ.

Сегодня чеченскую молодежь Россия втянула в свою колониальную войну в Украине и использует как пушечное мясо. Война в Украине – это война русского царя Путина, которого большинство населения поддерживает. Если бы сегодня Чечня не находилась под российской оккупацией, чеченскую молодежь не использовали бы в имперских войнах, Чеченская Республика вела бы независимую

политику, как, к примеру, Армения и Азербайджан. Одним словом, народу нужно вернуть власть. К этому наше правительство и стремится.

– В России чеченскую оппозицию часто описывают как людей, находящихся далеко от Чечни и утративших связь с тем, что происходит внутри республики. Что бы вы ответили на это утверждение?

– Я не представитель чеченской "оппозиции". Это слово, которое многие СМИ применяют ко мне и к моей команде, – не просто неточность, а подмена понятий, которая работает на легитимизацию оккупации. Есть законные структуры власти Чеченской Республики Ичкерия, признанной государством своими гражданами и провозглашенной в соответствии с волеизъявлением народа в 1990 году, и есть оккупационная администрация, установленная и удерживаемая силой иностранного государства. Между ними нет и не может быть "оппозиционных отношений", есть отношения оккупанта и оккупированных.

– Вам не нравится определение "чеченская оппозиция"? Можете объяснить, что именно вас смущает в этом понятии?

– Слово "оппозиция" предполагает игру по общим правилам внутри одной признанной обеими сторонами системы. Возьмем Канаду: сейчас у власти Либеральная партия, в парламенте ей оппонирует Консервативная партия. У них разные программы и разное видение экономики, миграции, внешней политики, но ни одна из них ни на секунду не ставит под сомнение существование канадского государства, его Конституцию, его территориальную целостность и право народа свободно выбирать. Их спор идет внутри государственности, а не о государственности. Это и есть содержание понятия "политическая оппозиция" во всех демократиях мира.

Асет Сабб с матерью

Применительно к Чечне такой рамки не существует в принципе, потому что предмет спора не то, как управлять государством, а то, имеет ли чеченский народ право на собственное государство вообще. Это не вопрос политической программы, это вопрос признания или отрицания самого права на существование. Называть это "оппозицией" то же самое, что называть движение Сопротивления во Франции 1940–1944 годов "французской внутриполитической оппозицией правительству Виши": формально к власти можно применить любое слово, но по

существованию это стирает разницу между коллаборационистской администрацией под иностранным контролем и борьбой за восстановление суверенитета.

– А есть ли сегодня разрыв между чеченцами внутри республики и теми, кто уехал? И если да, насколько он серьезный?

– Разрыв я бы не сказала, но различие есть. Когда из Чеченской Республики приезжают на Запад чеченцы – а я знаю многих, кто приехал за последние пять лет в Америку, – у них бывает шок от того, какой коэффициент свобод и прав существует здесь для людей. Они привыкли жить в Чечне под полным контролем, боясь слово сказать или сделать что-то не так. Когда сюда приезжают и видят, что могут свободно высказываться, жить как им угодно, спокойно вести свой бизнес, не выплачивая [часть дохода] каждый месяц в фонд Кадырова, – у них появляется шок.

В итоге они привыкают к этим свободам, адаптируются и преуспевают в своих делах. Разница в том, что чеченцы дома – они в русской коробке, и им не позволяют действовать вне ее. Нам нужно вытащить Чечню из этой коробки, чтобы Чечня увидела мир, и мир увидел ее.

– В какой-то момент казалось, что после ухода Рамзана Кадырова в Чечне может начаться период перемен. Но на выборах он вновь получил практически 100% голосов. Что, на ваш взгляд, этот результат говорит о сегодняшней политической системе в Чечне? Насколько в таких условиях вообще возможна смена власти?

– В правовом демократическом государстве такие результаты невозможны. За все 20 лет моего проживания на Западе я никогда не видела, чтобы на выборах получали такие результаты. Результаты выборов недействительны. Если уйдет Рамзан Кадыров, никаких перемен не будет. Он представитель оккупационной администрации, в которой работники меняются. Чтобы были изменения, нужно избавиться от самой оккупационной администрации на территории Чечни. Это возможно только при деколонизации России. Пока центр не пошатнется, никаких изменений не будет.

– Как нынешняя система влияет на поколение молодых чеченцев, которые практически всю жизнь прожили при Кадырове?

– Нынешняя система, к сожалению, через пропаганду преподносит оккупацию и колониальную политику России на Кавказе как норму. Открытого доступа к интернету нет, доступа к западным политологическим базам данных нет, доступа к свободным СМИ нет – только пропагандистские программы крутят по ЧГТРК. Молодежь, которой систематически внушается информационная ложь, не имея

доступа к альтернативной литературе или информации, попадает под влияние имперской пропаганды. Представители оккупационной администрации РФ на территории ЧРИ систематически врут о политических и исторических процессах, которые происходили в Чечне с 1990 года, врут о депортации чечено-ингушского народа, врут о жертвах русско-чеченских войн, оправдывают геноцид чеченского народа, оккупацию чеченского народа, демонизируя Ичкерия.

Русские солдаты убили в Чечне 42 000 детей, но нет ни одной таблички, посвященной памяти этих жертв, зато есть улицы, названные в честь убийц (*точное число убитых не известно до сих пор; по разным оценкам, в результате боев и постоянных обстрелов со стороны российской армии только во время первой войны в республике погибли от 30 до 40 тысяч мирных жителей, во второй до 25 тысяч человек – Прим.*). Это в корне неправильно, и, к сожалению, у чеченской молодежи нет возможности ставить под вопрос то, что является неправильным.

– Если говорить о последних годах, как изменилось положение женщин в Чечне? Какие изменения вы считаете наиболее заметными?

– В Чечне ситуация с правами человека в целом критическая. Вспомним Салмана Тепсуркаева, Мадину Умаеву, Наталью Эстемирову – их убийства показывают, что для оккупационной администрации нет разницы, женщина или мужчина. Если человек попал в немилость к оккупационной администрации, он попадает на конвейер смерти. Нарушение прав человека в Чечне сделали нормой, и эта норма установлена российским руководством. Практика нарушений будет продолжаться до тех пор, пока Россия присутствует на территории ЧРИ.

– Если отбросить политические лозунги: чего сегодня больше всего не хватает чеченскому обществу?

– Больше всего не хватает безопасности. За любое инакомыслие в Чечне наказывают. Люди боятся.

– Есть ли сегодня диалог между разными чеченскими политическими силами, сторонниками разных взглядов на будущее Чечни? Или раскол слишком глубокий?

– Есть сторонники и есть противники. Я рада, что есть и те, и другие. К счастью, сторонников больше. Мы открыты к диалогу.

Также присутствуют некоторые элементы в нашем обществе, которые ставят под вопрос территориальную целостность Ичкерии, ее государственность, структуры власти и Конституцию. Мы открыты к политическим дебатам, но не к тем,

которые дискредитируют чеченское государство. Когда, к примеру, проходят политические дебаты в Америке, я слушаю их с удовольствием. В этих дебатах политики бывают не согласны друг с другом, иногда неэтичны и даже, я бы сказала, агрессивны, но я не видела ни одного политика, который ставил бы под вопрос территориальную целостность Америки, ее Конституцию или государственные структуры.

– Если отбросить должности, политику, Росфинмониторинг, розыск и всю сегодняшнюю ситуацию: чего вы больше всего хотите добиться для Чечни?

– Я хочу, чтобы люди жили свободно, спокойно и без страха. Я не хочу, чтобы русские колонизаторы решали, как нам жить. Я хочу, чтобы чеченский народ сам определял свою судьбу. Я хочу, чтобы в Чечне действовал закон, одинаково для всех.

Чечня географически расположена в Европе. Чеченцы и черкесы являются коренными народами Европы. Чечня должна стать современной европейской страной с престижными университетами, европейским образованием, лучшими технологиями и сильнейшей медициной. Русская коробка отжила свое, и нам в ней не место.

- Сторонники Ичкерии 6 сентября [провели](#) в Вене акцию в честь 35-й годовщины провозглашения независимости республики. В Чечне в этот день отмечали другой праздник – "День гражданского согласия и единения".
- Между чеченской диаспорой за рубежом и теми, кто остался в республике, всё заметнее нарастает напряжение. Уехавшие говорят о нарушениях прав человека, давлении и русификации Чечни. На родине эмигрантов обвиняют в отрыве от корней и жизни по "чужим правилам". На этом фоне резкие публичные заявления представителей официального Грозного только подливают масла в огонь. Кавказ.Реалии [разбирались](#), насколько далеко зашёл этот раскол и что происходит с чеченцами по обе стороны границы.
- После начала полномасштабной войны России против Украины представители чеченской диаспоры начали участвовать в акциях против российской агрессии. Для одних это стало продолжением борьбы за независимость Ичкерии, для других – способом заявить о репрессиях. Редакция Кавказ.Реалии [поговорила](#) с активистами и выходцами из республики о том, как эти годы изменили диаспору.

